

ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ

ГОД ВОЙНЫ

ЛУГАНСК 2015

Поэзия войны бывает разная. Есть стихи самих воинов, есть стихи тех, кто сам не был в боях, но сердцем глубже других пережил состояние народа на войне. Но есть еще и третий вид военных стихов – в них говорится не столько о войне как таковой, сколько о том состоянии, которое она вызывает в людях. Как она пробуждает людей от сна мирной жизни, заставляя оставить в стороне все мелочное и привычное, и вспомнить о главном. Эти стихи могут быть, по сути, о чем угодно, потому что они на самом деле всегда об одном и том же – о непостижимости, мимолетности, хрупкости и бесконечной ценности жизни.

С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ

*Эту книгу я посвящаю своему отцу
Александру Ивановичу Заславскому,
активному участнику событий на Донбассе*

Дорогой читатель, стихи, которые вошли в этот сборник, были написаны в течение одного года – с мая 2014 по май 2015. Они расположены в хронологическом порядке, хотя эта хронология и не совсем точна в силу того, что какие-то тексты мне пришлось

восстанавливать по памяти и разным черновикам. Это был непростой, переломный год и для моей страны, и для меня лично.

Я видела войну. Я знаю, что такое бомбово-штурмовой удар, воздушная тревога, минометный и артиллерийский обстрелы, в мой дом тоже «прилетало». Я возила морфин тяжело раненому бойцу и прятала оружие, когда город, в котором я родилась, был под ВСУ. Я знаю ополченцев. Знаю живых и знаю тех, которые уже не здесь.

Жизнь в Луганске не проста. Но она дала мне понять по-настоящему, чего я стою, что могу, к чему стремлюсь, кто со мной рядом.

Я долго не решалась издать эти стихи под одной обложкой, но после чтений, посвященных 9 Мая, дала слово ветерану Великой Отечественной войны принести свою книгу. Так и появился этот сборник, как исполненное обещание, данное в преддверии Дня Победы, с верой в Победу.

Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.

Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.

А правнуки пока что не успели.
И сын сказал: «Я уйду. Прости».
И внук сказал: «Я тоже. Отпусти».
И правнуки заметно повзрослели.

И снова кровь горячая лилась.
И Родина кроилась и рвалась.
И брат на брата шел, а друг на друга.
И стало черным молоко в сосцах.
И стала черной кровь в людских сердцах,
Как антрацит, наш краснодонский уголь.
Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
И крутит, крутит, крутит черный жернов.

Мы стали черным хлебом на войне,
А были... были золотые зерна.

Черное лето,
Скорбные лица.
Дайте черного хлеба
Черным птицам.
Черное небо,
Окон глазницы.
Дайте черного хлеба
Черным птицам.
Черные ветры
Гудят над станицей,
Дайте черного хлеба
Черным птицам.
Черные реки
С кровавой водицей,
Дайте черного хлеба
Черным птицам.
Мы воевали,
Сверкали зарницы,
Сегодня над нами
Черные птицы.
Летят над полями
Сожженной пшеницы
Гибельной стаей
Черные птицы.

6 ГДЕ ТЕПЕРЬ ГЕРОИ?

Где теперь герои?
Крепко спят герои!
В поле, что за городом,
Лежат не похоронены,
Рыжею травую
Их сердца распороты,
На четыре стороны
Их растащили вороны,
В глазах свет мира горнего,
А губы обескровлены,
Ни имени, ни номера,
Никто не знает, кто они.
Они войдут в историю.
В историю народную,
И станет плодороднее
Земля, что кровью вскормлена.

1

Як насувається доля?

БТРами

По моїй землі.

Стогнуть

Ті, що померли,

А ті, що живі,

Ляжуть поряд

У ковилі,

Гарячі від крові,

Солоні від крові,

Червоні від крові

Луганських синів.

Так насувається доля –

Людожерським бажанням війни.

2

Як насувається доля?
Під мінометний грім.
Спочатку тремтять долоні,
Але потім
Міцніше тримаєш
Свій АК-47,
Або що там є під рукою.
В окопі,
Як у прірві, що розірвала навпіл
Небо моє волошкове
Й поля мої золоті.
Так насувається доля,
А ти все кричиш їй: «Стій!».

3

Як насувається доля?
Сльозами дітей, матерів,
Йде труна за труною,
Горе заходе у дім,
І раптом сльози застигають у горлі,
І серце вже не тремтить,
І цієї самої миті все, що лишається тим,
Хто йде по моїй землі, –
Це сором.
Бо доля – це ми,
Ті, що обрали опір
І святий обов'язок боротьби.

По донбасской стороне
И наследники Бандеры
Все расселись на броне
И сверкают касками,
Лица скрыты масками,
На шевронах свастики,
Ищут, где здесь ватники,
Не спасать, не защищать –
Едут-едут зачищать:
«Москаляку на гілляку,
І на палю комуняку!»

Если так, то я здесь первый,
Первый русский коммунист,
Дед не сдрейфил в 41,
Да и я не лыком шит!
По ту сторону прицела
Поднял голову фашизм,
Не проедут БТРы,
Я отдам за это жизнь.
Русский – значит, не сдастся,
Все поставлю я на кон,
Ради мира, ради солнца,
Что зашло за террикон.

На главной баррикаде
В белой балаклаве
Он глядит на Смерть.
А она-то вся при параде,
Рот в крови, как в помаде,
Говорит ему: «Иди ко мне.
Как же я тебя любить буду,
Целовать буду, миловать буду,
Уведу тебя я отсюда,
И как звать тебя, позабудут.
А постель моя в ковылях,
А постель моя вся в росе,
Уложу на нее я тебя,
Позабудешь и ты обо всех».

Но пока стоит мой солдат,
Хоть и взят врагом на прицел.
Он со Смертью глаза в глаза,
И в расширенных зрачках его свет.

08.05.2014

Жив он, жив –
Главная новость.
– Жив он, жив –
Повторяю на все лады
И голос
Разливается солнцем,
Отступает ожиданье беды.
– Жив он, жив –
Повторяют губы.
Жив он, жив. –
Долгожданный миг.
Под ногами цветут незабудки,
В небе ласточки и стрижи.
И становится мне заметно,
Как весенний распахнут мир,
Как он нежен, и как он смертен,
И как он прекрасен, когда ты жив.

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, «русская рулетка».
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.

Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия.
Любить и спасать,
Пока сердце в груди трепыхается,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.

Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.

Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.

А весна наступает. Цветущие яблони
Пьют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они – православные,
Русские и после молитвы встают с колен.

Нас разделяют границы.
Линия фронта. Линия жизни.
Мы будем друг другу сниться,
Это все, что осталось нам ныне.

Я ничего не забыла...
Но снова – в который раз –
Обрывается связь мобильная,
Остается сердечная связь.

Ни прощения, ни отмщения,
Только боль распиная грудь,
Не осталось путей сообщения,
Только Млечный Путь.

И по звездам, что в небе светятся,
Через взорванные мосты
Я лечу к тебе, чтобы встретиться
У взятой тобой высоты.

15.07.2014

Бывает, горе выходит горлом,
Бывает, горе выходит громко:
И бабьим воем,
И жутким воплем,
И детским криком,
И волчьим рыком.
Бывает, горе выходит тихо:
Глубоким выдохом,
Легким всхлипом,
Бывает горе и не выходит,
А затаится, птенцов выводит.
Глядят глаза, будто две воронки,
Знать, вместо сердца внутри вороненок.
Он подрастет, его крылья окрепнут,
Откроешь настезь грудную клетку:
Лети, узнай необъятность простора...
Как пусто стало в душе без горя.

Петя, Петя, Петруха,
Вон солдат, пуля в брюхо,
А из брюха требуха,
А из брюха потроха,
Будет плакать мамка
За своим Иванком,
Кинут в ров под Славянском:
Отвоевал, отмаялся.
И рядом с этим адом
Торгуют шоколадом.

15.08.2014

Только бы не в плен.
Один патрон в обойме.
Сим-карта за щекой,
Давно взведен курок.
Семь бед – один ответ.
Один не воин в поле,
Но есть еще лимонка
Впрок.

Скажи мне, жизнь, ответь,
Колечко мне подходит?
Не в пору рассуждать,
Чеку сорвать скорей...
Моя невеста Смерть
Ко мне сама подходит,
И гости собрались,
Пусть грянет фейерверк!

Ночной звонок... какие будут вести?
Твой голос долетел через войну и смерть,
Я замерла над пропастью разверстой,
Ты говоришь, что вниз нельзя смотреть,
Там демоны отмщенья сбились в стаи,
Один коснулся твоего лица,
И жадными кровавыми устами,
Они впиваются в солдатские сердца,
Там ангелы-хранители на страже,
И твой с раздробленным в ночных боях крылом,
Уже не белый, черный весь от сажи,
Неотличим от демона давно.
Есть путь один над этой бездной муки,
Надежды нить натягивает жизнь,
Как тетиву невидимого лука,
Нас, словно стрелы, направляя ввысь.

24.08.2014

И стала Война
Раздавать имена
Героям.
А Родина-Мать...
Ей пришлось замолчать
От горя.
Он пал, безымян,
В ковыль да бурьян
В поле.
– Как ты звать-величать,
Как тебя поминать,
Воин?
– Много светлых имен
Опалимы огнем
Войн.
Много чистых имен,
Но на каждом пятно
Крови.
Много славных имен
Мамы, папы нам дали.
Среди них и мое.
Поминайте как звали.

На свете счастья нет. А есть покой и воля.
А. С. Пушкин

1

Заметки на полях войны.
Окопная строка, в которую вписали
Солдат, как буквы. Ты
Один из них.
И мой эпистолярый
Прочтешь едва ли.
Может быть,
Потом.
Вернись живым.
И мы друг друга снова прочитаем
И перечтем.
Пусть память сохранит,
Как вырываясь из глубин гортани,
Как поцелуй, как легкое дыханье,
Живое слово нас соединит.

2

Заметки на полях войны.

Ты полон злой решимости, отваги,
Ты пишешь их, а я пишу стихи
Тебе, традиционно на бумаге,
И письма, не e-mail, а от руки,
Забывтое искусство древних магий
Творить из рифм и ритмов
Новый мир.

Ты воссоздашь его из словосочетаний,
Из почерка, как кружевной узор,
La lettre ouvre le secret du coeur.

3

Заметки на полях войны.

Что написать тебе, наследник Титуреля?

Ты думаешь, приходит наше время

Осуществить увиденные сны,

Но будем до конца честны,

Все то, о чем нам ангелы напели,

Как гули, в изголовье колыбели,

Лишь гул, который мы

Разбить пытаемся на ямбы и хорей,

А разбиваем лбы.

Здесь Монсальват – громада террикона.

А чаша – это банка самогона.

4

Заметки на полях войны.
Жизнь, сделав поворот, меняет вектор,
Ты был филологом, поэтом,
А стал солдатом. Боевик
И террорист, как пишут СМИ,
Им в тон гудит Ахметка,
И мне на ум одна приходит мысль,
Что, если ты стреляешь так же метко,
Как пишешь, – будет в этом смысл.
Умолкла муза. Снова перестрелка.
И я пишу тебе: «Держись.
Post scriptum. Обнимаю крепко».

5

Заметки на полях войны.
Во имя новорожденных республик.
Заметки на полях весны
И революции, объединившей наши судьбы.
Здесь ломоть развалившейся страны,
Который Родиной зовем и я и ты,
Как хлеба шмат, в зубах голодной хунты,
Но рифма просится, прости,
Что не сдержалась: хуй им.

6

Заметки на полях войны.
Жизнь набело. Ее не перепишешь.
Людская кровь не сок пунцовых вишен
И не чернила. Некого винить,
Кроме себя. Храни тебя Всевышний.
Мечтаю я: мы сядем визави
И скажешь ты: «О нас напишут книжки.
И фильмы снимут, тоже может быть,
О том, как познают мальчишки
Кровавый жаркий вкус борьбы,
А девочки уже не понаслышке,
А наяву боль узнают любви».

7

Заметки на полях войны.
Ты говоришь мне, что у вас спокойно,
И выстрелы пока что не слышны,
И умирать, наверное, не больно,
Ты говоришь, у вас там соловьи,
И степь ковыльная колышется, как море,
А я читаю хроники в Сети:
Тот ранен, тот убит, тот похоронен.
И счастье, не успевшее войти
В мой дом, готово обернуться горем.
И я твержу любимые стихи:
«На свете счастья нет. А есть покой и воля».

После трудного лета войны
Я вернулась в Луганск,
Чтобы снова здесь жить
И нелепые вирши слагать,
А в доме моем кто-то был.
Кто же? Да Бог весть!
Я изучила следы
И догадалась: смерть.
Она заходила. Никого не застала.
Сильно ругалась. Разбила все окна
И острые стекла
Кругом разметала.
Соседи сказали просто:
Дом обстреляли из «Града».
Моя неожиданная гостя
Оставила мне подарок –
Черный железный осколок,
Маленький, смертоносный.
Что из него мне сделать?
Кольцо обручальное, солдатика детям?
Нет, сделаю крест нательный.

10.10.2014

Дорогая Настя,
Если бы ты только приехала в этот город
и увидела его!

Он как птица с перебитыми крыльями.
Он как самолет в крутом пике.
Он как человек с распахнутой снарядом грудью.
И в горле рождается ком,
И мысли путаются,
И в глазах соленое море.
Но я все равно тебе пишу,
Чтобы ты хоть на миг увидела его лицо,
Постаревшее за одно лето войны
На много лет.
Дороги изрыты воронками.
Провода висят, как оборванные струны.
В стенах домов пробоины.
Открытые раны –
Пространственно-временные проломы
В прошлое, в мирное время.
Во время, когда
Мы были счастливы,
Мы были вместе,
Мы были...
Помнишь, как мы катались на велике,
Обгоняли маршрутки,
А люди махали нам из окон.
Помнишь, как мы писали картины,
И писали стихи,

И писали признания.
Ты написала на моей двери:
Дай сердцу волю –
Заведет в неволю.
Мое сердце блуждало.
Мое сердце блудило.
Мое сердце заблудилось.
И никак не вернется домой.
В моем доме без стекол холодно,
Зато звезды заглядывают прямо в квартиру,
Попить чайку со сгущенкой.
Кошки возле домов сбились в стаи,
Вороны в парках кричат так,
Что слышно за километр.
Собаки-бродяги
Не боятся людей,
А, как и люди, боятся обстрелов.
Свечки и спички стоят дорого.
Мясо стоит дорого.
Молоко стоит дорого.
Но есть вещи совсем бесценные.
Люди говорят друг другу: «Здравствуйте!»
И это приветствие обретает старый смысл,
Давно утерянный и затертый.
Я знаю, что если я сегодня не отправлю тебе
письмо,
Завтра может не быть света,
А может и меня не быть,
Но засыпаю я все равно счастливой.
И только по утрам мне все еще хочется плакать.
Настя, приезжай.

15.02.2015

Неужто, Господи, и Ты меня оставил
На расклеванье острым злым осколкам,
Я вижу, лик Твой проступает
Среди созвездий в небе, озаренный
Неумолимой яркой канонадой.
Я рядом здесь с разбитым храмом,
И обещаю я Тебе: отстроим.
Ты помоги нам выстоять в осаде!
Мы не святые, может быть герои,
И имена не всем наши известны,
Тебе, комбату, мамке родной!
Кругом огонь, неужто он небесный?
Уже не важно, я уже свободен!

В наших диких полях маков цвет да ковыль,
И окопы змеятся, как черные ленты,
И вырастает солдат телом в новую быль,
Стал героем. Посмертно.

В наших диких полях лебеда да полынь,
Буйны головы, буйные ветры,
Мы с курганами рядом поставим кресты,
И мы новые сложим легенды.

В наших диких полях, что седы от золы,
Почернели бессмертников стебли,
Вместе с нами здесь лягут и наши враги,
В наши степи, в донбасскую землю.

В наших диких полях маков цвет да ковыль,
И окопы змеятся, как черные ленты,
И мы все как один жизнь свою отдадим,
Чтобы ввысь вознеслось наше знамя Победы!

30.05.2015

Так рождается республика:
Кровь мешается с землей,
Идут бои под Мариуполем,
И под Нижней Ольховой,

Вырастает Новороссия,
Выходя из бурь и гроз,
Нависает звездным космосом
Наших былей, наших грез.

Коль умру – взойду колосьями
Теплых золотых хлебов,
Обо мне молись ты Господу,
Я воюю за любовь

К малой ли, большой ли Родине,
Ты поди-ка разберись,
Здесь и предки похоронены,
И детишки родились,

И отдать и жизнь, и молодость
Я за Родину готов,
Русь ли это, Новороссия –
Все равно, но здесь мой дом.

Так рождается республика:
Кровь мешается с землей,
Идут бои под Мариуполем
И под Нижней Ольховой.

Ворковали голуби,
Расцветали яблони –
Белоснежным облаком
У порога замерли.

Светом осиянная
Цветом осененная,
По земле израненной
Шла весна влюбленная,

Светом осиянная,
И неопалимая,
Через все страдания,
Милая, счастливая,

Шла без озлобления,
Позабыв про мщение,
Шла весна победная,
Шла весна священная!

Расцветали яблони,
Ворковали голуби,
Под весенним знаменем
Воскресала Родина.

Песня – колокол. Я – звонарь.
Имеющий уши пусть услышит.
Мой язык развязала война,
А приставил звонить Всевышний.

– Не молчи! – говорят мне убитые дети.
– Не молчи! – говорят мне сожженные села.
Бросить вызов прожорливой страшной Смерти
Может только правдивое вечное слово!

Лейся, песня. Не лейся, кровь,
Что с рожденья зовется братской,
Я вижу, как идут они на убой
В мясорубку войны гражданской.

– Не молчи! – говорят материнские слезы,
– Не молчи! – говорят городские руины,
А поля здесь засеяны, как погосты,
Были пшеничными – стали минными.

Лейся, песня, из сердца вон.
Очаги, алтари разбиты.
Звездный купол над головой
Может, примет мои молитвы.

Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!
Здесь, над землей, изрытой
Взрывами и минами.

Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!
Над полем битвы,
Над последнею
Обителью.

Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!
Они черны,
Как будто вы – валькирии!
Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!

Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!
Над расколовшейся землей,
Над Украиною.

Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!
Над пропастью,
Над губительной руиною.

Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!
Они черны от ярости?
От дыма ли?
Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!

Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!
Уже проклятия
Сливаются с молитвами.

Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!
Над верующими
И над атеистами.

Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!
Пусть черные,
Войною перебитые,
Расправьте крылья,
Ангелы-хранители,
Расправьте крылья!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА
НАСТУПИТ ВРЕМЯ -
КОНЧИТСЯ ВОЙНА

35

Наступит время – кончится война,
Мой город, мы твои залечим раны
И будем снова возводить дома,
Детей растить, веселых и упрямых,
С характером, таким же непростым,
Как говорят у нас, донбасским,
Разрушенные возведем мосты,
И будет мир на улицах Луганска!

Мой язык развязала война...

Е. Заславская

Поэзия войны бывает разная. Есть стихи самих воинов, рожденные их горячей памятью боев и встреч лицом к лицу со смертью. Есть стихи тех, кто сам не был в боях, но сердцем глубже других пережил состояние народа на войне – таковы, например, стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. Это лирический эпос войны. Но есть еще и третий вид военных стихов – в них говорится не столько о войне как таковой, сколько о том состоянии, которое она пробуждает в людях. Как она пробуждает людей от сна мирной жизни, заставляя оставить в стороне все мелочное и привычное и вспомнить о главном. Это можно назвать лирикой военного времени. Это поэзия

о том, как привычная жизнь вдруг становится странной и такой далекой, как будто она лишь приснилась, а душа обнажается перед открывшейся ей непостижимой глубиной и невыносимой остротой жизни, порождая неожиданные прозрения в ее сокровенную суть. Сам поэт об этом говорит так:

*В моем доме без стекол холодно,
Зато звезды заглядывают
прямо в квартиру...*

Поэтому стихи лирики военного времени могут быть, по сути, о чем угодно, потому что они на самом деле всегда об одном и том же – о непостижимости, мимолетности, хрупкости и бесконечной ценности жизни. И все то, что здесь перечислено через запятую, самим поэтом переживается как единое, неразложимое целое, которое переживается как новый особый опыт и уже никогда не уходит потом из души, становясь ее внутренним ритмом и ее всегда живым сокровищем. Именно к этому виду военной поэзии относятся стихотворения Е. Заславской.

И к Богу обращаются вот так, словами странными и пронзительными:

*Ты помоги нам выстоять в осаде!..
Кругом огонь, неужто он небесный?
Уже не важно, я уже свободен!*

Так молятся, когда «стала черной кровь в людских сердцах» и поэтому «глядят глаза, будто две воронки» – в это «черное лето».

А поэзия рождается из чувства кровного единства своей личной судьбы и судьбы Родины: «Во имя новорожденных республик. / Заметки на полях весны / И революции, объединившей наши судьбы. / Здесь ломоть развалившейся страны, / Который Родиной зовем и я и ты».

В стихотворении «Где теперь герои?» анонимность погибших вдруг оборачивается обобщающим образом всенародного подвига и духовного преображения наших бессмертных душ: «В глазах свет мира горнего, / А губы обескровлены, / Ни имени, ни номера, / Никто не знает, кто они. / Они войдут в историю. / В историю народную...»

Поэт проникновенно чувствует то состояние, в котором находится боец – вчера еще мирный человек, не успевший пока привыкнуть в войне, но уже готовый на все – и на подвиг, и на гибель: «Только бы не в плен. / Один патрон в обойме. / Сим-карта за щекой, / Давно взведен курок». Е. Заславской, как мне кажется, удалось дать очень емкую поэтическую «формулу» того мироощущения, которое охватило наш народ – и тех, кто на фронте, и тех, кто в тылу, – как единое живое целое. Эти строки очень близки по стилю и по типу образности классике военной лирики О. Берггольц. Заславская пишет:

*Я замерла над пропастью разверстой,
Ты говоришь, что вниз нельзя смотреть,
Там демоны отмищенья сбились в стаи,
Один коснулся твоего лица,
И жадными кровавыми устами,
Они впиваются в солдатские сердца...*

Война крайне обостряет ощущение жизни как судьбы и меняет само понимание слова «судьба» – делает его очень предметным, не абстрактным. О судьбе написано по-украински, словно последнее прощание с нашей бывшей страной, написанное на ее, теперь уже чужом для нас языке убийц и врагов: «Як насувається доля? / БТРами... / Як насувається доля? / Під мінометний грім. / Спочатку тремтять долони, / Але потім / Міцніше тримаєш / Свій АК-47». Но потом наступает особый поэтический катарсис души и прозрение ума: «Бо доля – це ми, / Ті, що обрали опір / І святий обов'язок боротьби». Парадокс: судьба – это мы, а не что-то над нами.

Другая сторона военной судьбы – трагедия разрыва народа и людей, оказавшихся по разные стороны фронта. Именно об этом – одно из самых проникновенных стихотворений «Границы»: «Нас разделяют границы. / Линия фронта. Линия жизни... / Я ничего не забыла... / Но снова – в который раз – / Обрывается связь мобильная, / Остается сердечная связь...».

И наконец, за всем этим встает, как огромная непостижимая тень, образ Смерти. В стихотворениях «На главной баррикаде» и «Только бы не в плен» поэту дано мистическое проникновение в природу Смерти; здесь вдруг, словно из глубины тысячелетий, встает древний, даже первобытный образ-архетип Смерти как невесты: «Но пока стоит мой солдат, / Хоть и взят

врагом на прицел. / Он со Смертью глаза в глаза,
/ И в расширенных зрачках его свет». И « / Не в
пору рассуждать, / Уже несут венец, / Моя не-
веста Смерть / Ко мне сама подходит». Извест-
ный православный мыслитель и проповедник
Русского зарубежья митрополит Антоний Суро-
жский говорил, что настоящий христианин должен
ждать встречу со смертью с таким же благого-
вейным трепетом, с каким ожидают встречи со
своей возлюбленной. Не трудно понять, откуда
берется такое сравнение: в обоих случаях встре-
ча означает решение человеческой судьбы. Зем-
ная встреча с любовью, какой бы огромной она
нам ни казалась, – это лишь земная «репетиция»
встречи с Вечностью. На войне это чувствуется
непосредственно – просто как «быт».

Мистическое ощущение присутствия Смерти
окрашивает собою все:

*А в доме моем кто-то был.
Кто же? Да Бог весть!
Я изучила следы
И догадалась: смерть.*

Рождается поэтический ряд образных видений: «Она заходила. Никого не застала. / Сильно ругалась. Разбила все окна/ И острые стекла / Кругом разметала. / Соседи сказали просто: / Дом обстреляли из «Града». Но поэт преображает это видение, преодолевает наваждение Смерти: из осколка, влетевшего в окно, – «сделаю крест нательный»! Как «во время оно» крест из орудия казни Спасителя стал святым символом нашего спасения, так и поэт из металла-убийцы отливает себе спасительный крест.

Если же преображения не происходит, если у людей нет ничего, кроме «земных» ценностей, тогда остается один лишь ужас и абсурд бытия:

*Вон солдат, пуля в брюхо,
А из брюха требуха,
А из брюха потроха...
...Отвоевал, отмаялся.
...И рядом с этим адом
Торгуют шоколадом.*

И перед лицом неотступной смерти вдруг происходит анамнезис души, внезапное прозрение в глубины народной памяти и собственной совести: мы – русские! Живая и вечная Русь воскресает, как Феникс из пепла:

*Русский – значит, не сдается,
Все поставлю я на кон,
Ради мира, ради солнца,
Что зашло за террикон.*

Русь – это то, что вновь сделало нас людьми вместо зомбированных роботов современной корыстной, лживой и бессмысленной «цивилизации». В стихотворении «Эти русские» явлена наша вечная и непобедимая Русь: «Эти русские мальчики не меняются», «Эти русские девочки не меняются», «В девятнадцатом, двадцатом, Двадцать первом веке» «Ты же мой русский мальчик: / Война, ополчение, умереть за Отечество... / Я твоя русская девочка: / Красный крест, белый бинт, чистый спирт. / В мясорубке расчеловечивания / Будет щит тебе / Из моих молитв».

Поэтому и рождение Новороссии – новой Руси, страны подвига, правды и совести – прозревается и переживается поэтом как космическое, вселенское событие, как продолжение творения мира:

*Вырастает Новороссия,
Выходя из бурь и гроз,
Нависает звездным космосом
Наших былей, наших грез...*

9 мая 2015 года записано поэтическое видение «Весна 45-го года»: «Шла без озлобления, / Позабыв про мщение, / Шла весна победная, / Шла весна священная!» Это и пророчество о нашей будущей победе.

Но трудно выйти душой из войны. И поэтому возникает странное и страшное признание: «Как пусто стало в душе без горя». И теперь нужно научиться заполнять распахнувшиеся горем странства души чем-то другим, чем нужно жить, что превратит бывшее горе в будущее счастье. В чем же, в конце концов, самый главный духовный опыт войны у поэта? Мне кажется, в этом: «Жизнь набело. Ее не перепишешь».

Виталий Даренский

От автора. С верой в Победу	3
Черный хлеб.....	4
Птицы.....	5
Где теперь герои?	6
Так насувается доля	7
Едут-едут БТРы.....	9
На главной баррикаде	10
Он жив	11
Эти русские	12
Границы	14
Горе.....	15
Петя, Петя, Петруха.....	16
Только бы не в плен	17
Ночной звонок	18
Стала Война раздавать имена	19
Заметки на полях войны (связка писем другу для поднятия боевого духа).....	20
После трудного лета войны	24
Настя, приезжай.....	25
Неужто, Господи, и Ты меня оставил	27
В наших диких полях	28
Так рождается республика	29
Весна 45-го года.....	30
Песня – колокол	31
Расправьте крылья	32
Вместо эпилога Наступит время – кончится война.....	35
«Жизнь набело...»	36

Елена Заславская –
луганская поэтесса,
журналист, общественный
деятель.

Родилась 14 октября 1977
года в городе Лисичанске.
Сейчас живет в Луганске.

Автор четырех
поэтических сборников:
«Эпоха моей любви»,
«Мамині сльози»,
«Инстинкт свободы»,
«Бдыць-мен и Ко»,
публикаций в интернет-
изданиях и периодике.

www.zaslavskaja.com

Е. Заславская

Год войны: сборник стихотворений